

К.Д. Пименова¹
Екатеринбург

АРХИТЕКТУРНАЯ ОБРАЗНОСТЬ В ПЕЧАТНОЙ ПРОПАГАНДЕ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ»)

На материале газеты «Уральский рабочий» исследуются ключевые черты феномена архитектурной образности, под которой понимается специфический для первых пятилеток способ визуализации хода социальных перемен, выражающийся в массовом тиражировании образов советского промышленного и городского строительства, выдержанного обычно в авангардном стиле. Автор актуализирует составляющие подхода к изучению совокупности визуальных артефактов, изображающих авангардные новостройки, рассматриваемые в качестве составляющей визуального лексикона индустриализации; анализируются истоки формирования соответствующей визуальной стратегии; предлагается методика анализа визуального контента издания, позволяющая выявить ассоциируемые с темой гражданского и индустриального авангардного строительства центры Уральской области и специфику их репрезентации средствами архитектурной образности.

Ключевые слова: Урал, визуальный артефакт, индустриализация, советское промышленное и гражданское строительство, авангардный стиль.

K. D. Pimenova
Yekaterinburg

ARCHITECTURAL IMAGE IN THE PRINTED PROMOTION OF THE FIRST FIVE YEARS (ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE NEWSPAPER “URALSKY RABOCHY”)

The Uralsky Rabochiy newspaper explores the key features of the phenomenon of architectural imagery, which is understood as a way of visualizing the course of social change, specific for the first five-year plans, expressed in the massive replication of images of Soviet industrial and urban construction, usually sustained in an avant-garde style. The author actualizes the components of the approach to the study of the set of visual artifacts depicting avant-garde new buildings, considered as a component of the visual vocabulary of industrialization; the origins of the formation of the corresponding visual strategy are analyzed; a method for analyzing the visual content of the publication is proposed, which makes it possible to identify the centers of the Ural region associated with the theme of civil and industrial avant-garde construction and the specifics of their representation by means of architectural imagery.

Keywords: Ural, visual artifact, industrialization, Soviet industrial and civil construction, avant-garde style.

Революционные события в России начала XX в. радикально изменили характер культурного поля страны: художникам открылась возможность непосредственного влияния на области человеческого опыта, ранее недоступные вмешательству извне. С одобрительной санк-

¹ *Пименова Ксения Дмитриевна* – студентка IV курса департамента «Исторический факультет» Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург. E-mail: pimenovaksenia3@gmail.com

ции советской власти для доступа авангардистов были открыты сферы принятия глобальных архитектурно-строительных решений и художественного оформления целых городов², результатом чего стало формирование новых творческих направлений в архитектуре 1920–1930-х гг. – рационализма, функционализма, а также наиболее влиятельного из них – конструктивизма.

С середины 1970-х гг. советская авангардная архитектура стала общепризнанным объектом интереса в самых различных слоях российского и зарубежного социума. Её образы ресемiotизируются массовой культурой, к ним обращаются представители академического сообщества, а сама она все чаще становится одной из основ локальной идентичности. В последние годы авангардная архитектура регулярно приковывает внимание российской общественности в связи с проблемами эксплуатации и сохранности авангардных памятников. Таким образом, даже спустя почти столетие уникальные социокультурные коды, генерируемые авангардной архитектурой и воспринимаемые как маркер «советского» в городском пространстве, в значительной степени продолжают влиять на оформление территорий.

На Урале авангардная архитектура получила широкое распространение благодаря приоритетному значению региона в период индустриализации. На обширном пространстве существовавшей с 1923 по 1934 гг. Уральской области, ставшей в конце 1920-х гг. площадкой по возведению крупнейшего комплекса на основе уральского металлургического производства и топливной базы Кузнецкого угольного бассейна, творили члены различных архитектурно-художественных групп, крупнейшие из которых представлены выпускниками ленинградских, московских и западно-сибирских (Омск, Томск) высших архитектурно-художественных учебных заведений³. Единичные здания на Урале выстроены по проектам «корифеев» конструктивизма – М. Я. Гинзбургом, Я. А. Корнфельдом и проч. Несмотря на скоротечную судьбу советского авангарда, за короткий период времени – почти десятилетие с сер. 1920-х до сер. 1930-х гг. – на территории области были возведены сотни строений, свой авангардный облик получили города Свердловск, Челябинск, Нижний Тагил, Лысьва, Каменск-Уральский, Пермь, Березники, Соликамск и многие другие.

² Чубаров И.М. Коллективная чувственность: Теории и практики левого авангарда / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. С. 18-19.

³ Смирнов Л.Н. Авангардная архитектура Екатеринбурга и городов Урала в творчестве западносибирских зодчих: монография. Екатеринбург : Архитектон, 2018. С. 4.

Урал, находившийся к середине 1920-х гг. в плену процветающей десятилетиями лет провинциальной риторики с её традиционными представлениями о регионе как о крае вековой отсталости, испытывал острый дефицит эффектных стратегий репрезентации⁴. На выполнение заказа местных администраторов по привлечению в регион приоритетного финансирования программ индустриализации в рамках конкуренции экономических районов за капитальные вложения⁵ были направлены масштабные усилия целого слоя умелых пропагандистов. Поиски выразительных стратегий информационного сопровождения индустриализации и эффективной репрезентации передовых достижений советской власти в целях трудовой мобилизации населения увенчались разысканием целого ряда специфических стратегий представления региона средствами публичного дискурса. Так что имеет смысл говорить о радикальной трансформации способов беседы о регионе под влиянием индустриализации.

Одной из наиболее примечательных стратегий оказалось широкое тиражирование образов авангардных строений, позволявшее красноречиво отразить поразительную быстроту перемен в обыденной жизни советских граждан в условиях развития новых способов фиксации, передачи и распространения информации. Архитектурная образность предлагала реальный способ выхода за рамки господствовавшего периферийного дискурса, позволяла создать ощущение поистине гигантских масштабов строительства в регионе, а внешний облик авангардных строений, выгодно отличавший их от всей архитектуры прошлого, позволял наглядно утверждать новизну советского строя.

Образы авангардных заводских корпусов, жилых зданий, строений административно-общественного назначения в большом количестве наполнили содержание периодических изданий Уральского региона рубежа 1920–1930-х гг., что делает обширный массив визуальных артефактов, представленный в них, доступным для оценки феномена архитектурной образности с точки зрения методологии исторической науки. Среди разнообразных коммуникативных средств архитектурной образности возможно выделить фотоизображения, графику, карикатуру, живопись, проекты и макеты авангардных строений, продукты применения авангардных техник работы с визуальным образом (коллаж, фотомонтаж), призванные оказывать дополнительный стимулирующий эффект на воспринимающее сознание.

⁴ Бугров К.Д. Соцгорода Большого Урала. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 46–47.

⁵ Там же, с. 78.

Впервые рассмотренная в трудах отечественных историков А.Н. Макарова⁶ и К.Д. Бугрова архитектурная визуальность первых пятилеток в периодике и других видах печатной пропаганды к настоящему моменту не имеет специальных исследований, посвященных истории её феномена. Специфическая сущность явления, заключающаяся в проведении исследования на стыке истории системы советского агитпропа, истории авангардной архитектуры и визуальной истории, создает необходимость на данном этапе очертить круг исследований, сформировавших подход автора к изучению её феномена в уральской печатной пропаганде.

Во-первых, стоит выделить категорию исследований, авторы которых рассматривают советскую авангардную архитектуру с позиций искусствоведения и истории архитектуры. Анализ трудов исследователей этого направления формирует понимание хода архитектурного процесса в стране и регионе, знакомит с ключевыми фигурами авангардного строительства и их работами, а также позволяет расширить круг понятий, характерных для описания опытов авангардистов. Признанным «хитом» среди многочисленных работ данного направления, условно называемого «архитектурным», является двухтомный труд С. О. Хан-Магомедова, а среди уральских исследователей нужно отметить труды Л. Н. Смирнова, Л. И. Токмениновой, Е. В. Коньшевой и ряда других.

Во-вторых, обширное количество работ посвящено рассмотрению опыта взаимодействия человека и авангардной архитектуры в самых различных аспектах проблематики, начиная от исследований повседневной жизни в авангардных локусах и заканчивая анализом динамики изменения восприятия архитектуры советского авангарда на современном этапе истории России. Работы данной «школы» позволяют не только пополнить фактическую базу, но и расширяют горизонт известного к настоящему моменту о явлении архитектурного авангарда за счет смещения акцентов в изучении его истории в сторону социокультурных аспектов его восприятия. Среди уральских исследователей этого направления следует выделить работы специалистов М. С. Ильченко, Л. П. Пискуновой, Л. Э. Старостовой, Н. Е. Сучкова, И. В. Янкова, а также исследования популяризатора истории архитектуры П. Ивановой.

Описанные нарративы являются определяющими к настоящему моменту для исследований по истории авангардной архитектуры.

⁶ Макаров А.Н. Информационно-пропагандистское сопровождение индустриализации 1929-1941 гг. средствами советского фоторепортажа: дис... канд. ист. наук. Магнитогорск: Магнитогорск. гос. ун-т, 2013. 285 с.

Специфический взгляд предлагает знакомство с исследованиями истории и философии авангардного проекта (Б. Е. Гройс, В. З. Паперный, И. М. Чубаров). В частности, Б. Е. Гройс рассматривает проект русского авангарда как тотальный художественный проект, существование которого неразрывно связано со стремлением к преобразованию мира посредством завоевания монополии на политическую власть⁷, для реализации которой признается необходимым контроль над медиа – образами и языком⁸. Предлагаемый Гройсом взгляд дает ключ к пониманию авангардной визуальности во всех её проявлениях, включая изображения архитектуры в печатной пропаганде, как составной части авангардного проекта.

В. Паперный, представляя историческое противостояние «культуры 2» «культуре 1» как стремление к установлению тоталитарного проекта в культуре посредством наступления на демократический, рассматривает архитектуру в качестве ключевого объекта анализа, исходит из предположения о том, что изменения, происходящие в ней и во всех прочих сферах культуры, включая, к примеру, газетную лексику (в том числе визуальную – добавим мы), подчиняются некоторым общим закономерностям⁹. Отсюда пристальное внимание настоящего исследования к изменению черт представления образов авангардных построек в печатной пропаганде.

Значимыми при разработке темы являются исследования по истории системы советского агитпропа (работы Д. Бранденбергера, М. С. Карасика), а также исследования по семиотике фотографического образа. Как отмечает В. Беньямин, исчезновение с фотографии человека превращает её в своего рода доказательство, предъявляемое на процессе истории, а потому требующее понимания в определенном смысле¹⁰. Претендующая на воплощенную объективность в силу возможности непосредственной передачи образа реальности, фотография заключает в себе масштабный коннотативный потенциал¹¹, реализуемый посредством специфических средств фотожурналистики и мобилизующий значимые для дешифровки коннотативных планов элементы: выбор визуального окружения объекта, общие черты ракурса его съемки, анализ канонических способов представления

⁷ Гройс Б. *Gesamtkunstwerk* Сталин. М. : ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. С. 41-42.

⁸ Там же, с. 13.

⁹ Паперный В. *Культура Два*. 4-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 17.

¹⁰ Беньямин В. *Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости*. Избранные эссе. М.: Медиум, 1996. С. 33-34.

¹¹ Барт Р. *Фотографическое сообщение // Третий смысл*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 10.

объекта, соотношение текстовой и изобразительной составляющих газетного сообщения и пр. Анализ внутренней риторики фотоснимков расширяет возможности изучения как воплощавшихся в конкретных визуальных лексемах способов манифестации конкретных идеологических установок, так и формирования в сознании читателя рефлексий не только авангардной архитектурной образности, но и авангардной архитектуры как таковой.

Наконец, подход, представляющий выход за рамки существующих «архитектурного» / «социокультурного» нарративов об авангарде, предлагает подход визуальной истории, рассматривающий любые визуальные артефакты, ходы и стратегии как самостоятельно пригодные для реконструкции представлений современников об исследуемой исторической действительности.

Основу источниковой базы исследования составили материалы ежедневной газеты Уральской областной парторганизации «Уральский рабочий» – старейшего и главного источника по истории региона в XX в. В соответствии со спецификой содержания выпусков газеты была разработана методика формализации её контента, основывающаяся на углубленном анализе содержания на предмет визуального упоминания образов авангардных памятников и предполагающая учет отдельных кейсов при помощи количественных приемов. Во многом предлагаемая методика схожа с приемами контент-анализа, однако инструментально она менее строга, что обусловлено ориентацией настоящего исследования в большей степени на подход интеллектуальной (а не количественной) истории, что допускает вариативность в определенных рамках в применении клиометрических приемов для выявления основополагающих тенденций, а обширный объем анализируемого материала делает незначительной погрешность в учете визуальных единиц и в целом не влияет на получаемые результаты.

Помимо описания тенденций, выявленных при помощи количественных приемов, исследование фокусируется и на результатах, полученных в ходе наблюдения за содержанием издания на продолжительном промежутке его существования. Несмотря на неизбежные обобщения, к которым ведет реализация предложенной методики, она расширяет горизонт известного к настоящему моменту о явлении советского архитектурного авангарда как за счет постановки проблемы интерпретации существующих фактов, так и благодаря привлечению внимания к тому, что в рамках существующих подходов оказывается, как правило, вне поля внимания исследователей.

Генеральная совокупность представлена выпусками за период 1928–1938 гг., который хронологически совпадает с временем ожив-

ленного авангардного строительства в СССР и первыми годами, последовавшими за осуждением авангарда на официальном уровне. В условиях достаточно обширного объема доступного к анализу материала исследование предусматривает сплошной анализ выпусков за 1928, 1930, 1932, 1934, 1936 и 1938 гг. Шаг в два года был избран, с одной стороны, как позволяющий отследить ситуацию в маркерных точках первых пятилеток, а с другой – как соответствующий специфике изучаемого явления, изменения в котором были в известной степени динамичными, фактически шли за считанные годы.

Формализация визуального контента издания учитывала ряд критериев, разработанных в соответствии с ключевыми гипотезами, возникшими при первичном наблюдении за содержанием выпусков газеты; впоследствии перечень подвергался корректировкам. Созданный классификатор позволяет выявить ассоциируемые с темой гражданского и индустриального авангардного строительства центры Уральской области и специфику их репрезентации средствами архитектурной образности. Для каждой визуальной единицы учитывались: адрес упоминания – год, месяц, день, страница; локализация памятника (республика СССР, населенный пункт для объектов, локализованных на территории Уральской области); образ (для строений на территории г. Свердловска); тип упоминания (фотография, проект / макет, графика, коллаж, карикатура); функциональное предназначение здания (промышленная / гражданская архитектура); отрасль промышленности (для индустриальных строений); визуальное окружение памятника; соотношение текстовой и визуальной составляющих газетного сообщения («комментированное изображение» / «иллюстрированный текст»); место памятника в границах изображения (акцент на авангардные формы либо на явления общественной жизни).

Характеризуя результаты исследования, следует отметить следующее: в рамках обозначенной выборки было учтено 304 визуальных единицы, из которых преобладающим типом изображения авангардной визуальности стала фотография (~75% – 226 упоминаний). Преобладание изображений из категории гражданской архитектуры (~73% – 221 упоминание) связано, по-видимому, со стремлением развить положительные ожидания в среде читателей газеты о дальнейшем улучшении условий жизни в советском государстве.

Продуктивным оказался анализ по основанию «отрасль промышленности», в связи с которой упоминается то или иное индустриальное строение. При отмеченном выше преобладании образов гражданских строений промышленная архитектура авангарда чаще всего

упоминается в газете в связи с тематиками «энергетического производства» (22 упоминания), «машиностроения» (17 упоминаний), «металлургического производства» (15 упоминаний), «химической промышленности» (6 упоминаний). Показательным оказывается сравнение этого образа с образом Уральской области, предлагаемым читателю редакцией Всесоюзного ежемесячного иллюстрированного журнального издания «СССР на стройке»: по состоянию на 1931 г. образ Урала соответствует образу периферийного, «сырьевого» региона, в изображении которого абсолютно доминировал тематический блок «добыча полезных ископаемых», представленный Верхнечусовскими городками, Соликамском, Лысьвой, Магнитогорском, Красноуральском, ст. Баженово, Кизелом. В «Уральском рабочем» эта тематика замыкает перечень позиций (3 упоминания наравне с блоками «пищевой» и «текстильно-кожевенной» промышленности), что позволяет судить о том, что она не являлась определяющей для репрезентации образа региона в местной пропаганде, которая делала акцент на обрабатывающих, а не добывающих отраслях промышленности.

При всем этом уже к 1933 г. Уральская область не только увеличивает визуальное присутствие на страницах «СССР на стройке», но и меняет преобладающие тематические блоки: к лидерству стремятся категории «строительство» (6 упоминаний), «металлургия», «машиностроение», «энергетическое производство» (по 3 упоминания), что позволяет говорить о значительных успехах уральских пропагандистов в деле трансформации образа региона и преодолении проблем, связанных с комплексом отсталости и провинциальности. Более того, к 1933 г. утверждается лидерство Свердловска в презентации успехов социалистического строительства на страницах «СССР на стройке»: в количественном отношении он уступает лишь Москве, Ленинграду, а также третьей пролетарской столице – г. Иваново.

Обращение к материалам «Уральского рабочего» позволило утверждать компенсаторный характер истоков феномена архитектурной образности, оформление которого явилось ответом на поиск способов снятия напряженности вокруг проблем, связанных с реализацией региональной строительной программы. Освещение его в проблемном ключе было обусловлено не только кампанией по разворачиванию широкой критики в печати, но и наличием действительных проблем, пагубно отражавшихся на качестве и темпах капитального строительства. Считанные номера 1928 г. не отмечены сообщениями о проблемах, клеймившихся в самых громких терминах, а формула «строим

мы дорого и плохо»¹² превратилась в определяющую для публичной риторики. Основные содержательные пункты критики – задержка в поставках стройматериалов, их высокая стоимость и низкое качество, неэкономное расходование; бесхозяйственность на строительстве; отсутствие планов и проектов к началу возведения либо стихийное изменение их прямо по ходу строительства, процветавшее на отдельных стройках и пр.¹³

Острая напряженность вокруг темы выразилась в формировании убежденности в том, что улучшить положение способен публичный контроль за ходом осуществления строительной программы. Строительство отныне должно было «просматриваться миллионами глаз и прощупываться миллионами рук трудящихся»¹⁴, требовалась «мобилизация общественного внимания к вопросам строительства»¹⁵. Организованный в этих условиях конкурс 1928/1929 гг. на лучшую уральскую постройку не только заложил фактически директивные основы распространения в прессе образов авангардных строений, но и предъявил более высокие требования к представлению строений на присылаемых фотоматериалах¹⁶, публикуемых впоследствии на страницах «Уральского рабочего».

С 1934 г. наблюдается смена характера представления образов авангардных памятников на страницах газеты, проявившаяся в формировании канонических черт их изображения, смещении акцентов с авангардных форм, вытесняемых все чаще на задний план композиции фотоснимков, преимущественно на образ человека, а выверенные ракурсы замещают господствовавшую до этого репортажность. Все это позволяет судить о влиянии на рассматриваемое явление формирующегося соцреалистического канона. К 1936 и 1938 гг. практически ни одно здание не снимается в отсутствие человека. Авангардные формы перестают быть самоценными для пропаганды, публикуется

¹² См. напр. Строительство в 26–27 г. и подготовка к строительному сезону 27–28 г. Доклад тов. Гольдича // Уральский рабочий. 1928. 27 апреля (№98). С. 1,3; Казанский И. Перед смотром уральского строительства // Уральский рабочий. 1928. 20 декабря (№295). С. 2.

¹³ См. напр.: Еще о прорывах в капитальном строительстве // Уральский рабочий. 1928. 12 июня. (№134). С. 3; За жесткую дисциплину в строительстве // Уральский рабочий. 1928. 17 мая (№113). С. 1.

¹⁴ Еще о прорывах в капитальном строительстве // Уральский рабочий. 1928. 12 июня (№134). С. 3.

¹⁵ Внимание районному строительству // Уральский рабочий. 1928. 26 мая (№121). С. 1.

¹⁶ Зыков В. Конкурс на лучшую уральскую постройку // Уральский рабочий. 1928. 3 июля (№152). С. 3.

большое количество не только постконструктивистских, но и откровенно неоклассических проектов. С 1936 г. происходит окончательный отход от стратегии широкого тиражирования авангардных памятников: в 1936 и 1938 гг. средствами архитектурной образности, помимо Свердловска (33 упоминания), описываются лишь Пермь (2 упоминания) и Невьянск (2 упоминания), причем внимания удостоивается лишь гражданская архитектура (для сравнения, в 1934 г. были учтены 109 визуальных единиц). Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что явление архитектурной образности в уральской печатной пропаганде является целостным и законченным во времени феноменом, претерпевающим внутреннюю эволюцию.

Библиография

1. *Барт Р.* Фотографическое сообщение // Третий смысл. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 104 с.: ил.
2. *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избранные эссе. М.: Медиум, 1996. 240 с.
3. *Бугров К.Д.* Соцгорода Большого Урала. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 472 с.
4. *Гройс Б.* Gesamtkunstwerk Сталин. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. 168 с.
5. *Макаров А.Н.* Информационно-пропагандистское сопровождение индустриализации 1929-1941 гг. средствами советского фоторепортажа: дис... канд. ист. наук. Магнитогорск: Магнитогорск. гос. ун-т, 2013. 285 с.
6. *Паперный В.* Культура Два. 4-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 416 с.: ил.
7. *Смирнов Л.Н.* Авангардная архитектура Екатеринбурга и городов Урала в творчестве западносибирских зодчих: монография. Екатеринбург : Архитектон, 2018. 190 с.: ил.
8. *Чубаров И.М.* Коллективная чувственность: Теории и практики левого авангарда. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. 344 с.